# ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

# POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

## ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК УГРОЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

*УДК 323.27* *ГСНТИ 75.31*
*ББК 66.042* *Код ВАК 23.00.02*
*DOI: 10.22394/2304-3369-2019-2-6-15*

**А. А. Керимов**
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 639696

**Т. В. Вербицкая**
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 819721

**АННОТАЦИЯ:** Актуальность исследования обусловливается характером, особенностями протекания и результатами происходящих в настоящее время цветных революций, приводящих к разрушению политических систем государств, и даже самих государств.
Цель исследования заключается в установлении содержания и признаков цветной революции в качестве угрозы существования политической системы государства.
Работа опирается на использование телеологического анализа (для того, чтобы понять значение цветных революций для государств), компаративного метода (в рамках сравнительного исследования позиций ученых относительно определения цветных революций), системно-структурного анализа (при выявлении признаков цветных революций).
Поскольку практика проведения цветных революций в мире демонстрирует, что цветные революции являются угрозами существования политической системы государства, необходимо изучение содержания и особенностей цветных революций для того, чтобы сформировать механизм борьбы с цветными революциями с учетом характера и степени опасности цветных революций в их конкретном проявлении. Мнения ученых по поводу цветных революций разделились: одни ученые считают цветные революции гласом народа, подлинной демократией, другие – технологией государственного переворота.
Опыт уже совершившихся и продолжающихся цветных революций свидетельствует о том, что первая позиция является более обоснованной. Тем не менее, цветные революции являются многоаспектным явлением, включающим в себя также и ненасильственные методы soft power, что должно быть учтено в содержании определения цветной революции.
С учетом дискуссий, противоположных мнений ученых относительно содержания указанного явления, его роли и значения, в статье формулируется определение цветных революций.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** революция, государственный переворот, политическая система, народный протест, политическая технология.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:**
Александр Алиевич Керимов, доктор политических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, kerimov68@mail.ru

Татьяна Владимировна Вербицкая, ассистент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Aquitania-17@yandex.com

© А.А. Керимов, Т.В. Вербицкая, 2019

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Керимов А. А., Вербицкая Т. В. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 6—15.

Цветные революции представляют собой комплексный и многогранный феномен, беспрестанно изучаемый исследователями в ходе его трансформации, становления и развития. Происходящие в настоящее время события на политической арене обусловливают актуальность исследования содержательных особенностей данного явления. В силу этого феномен цветных революций постоянно является объектом анализа ученых с начала 2000-х гг., когда впервые появился термин «цветная революция».

Как отмечают исследователи, самой существенной угрозой по степени разрушительности последствий для политического режима любого государства выступает не традиционная война и революции, как было вплоть до настоящего момента, но т. н. цветные революции [1, с. 87–92; 2, с. 176–190; 3, с. 73–87; 4, с. 247–254; 5, с. 185–196]. Характерный признак цветных революций состоит по мнению ученых в том, что они представляют собой целый спектр управляемых политических процессов и технологий, которые инициируются и внедряются извне иностранными или транснациональными заказчиками. Цель применения подобных технологий заключается в трансформации политических режимов государств в выгодном заказчикам цветных революций русле (вследствие геополитических и экономических интересов и достаточности ресурсов для реализации таких интересов). Другая ключевая черта цветных революций, отраженная исследователями – провозглашаемая направленность на поддержание законности и сохранение незыблемости конституционного строя, что отличает этот феномен от классических революций, которые нацелены именно на насильственное изменение государственного строя, а также существующих экономических отношений [6, с. 24–42].

Можно выделить три основных подхода российских ученых к определению цветных революций.

Первая группа исследователей полагает цветную революцию в качестве государственного переворота, инициируемого и управляемого извне для реализации геополитических интересов заказчика революции. Так, в соответствии с точкой зрения А. Д. Арямовой, происходящие в настоящее время цветные революции представляют собой инструмент принудительной трансформации политических режимов государств. Основная цель применения инструментов цветных революций состоит в инициировании государственного переворота и обеспечении его осуществления в выгодном государству-заказчику русле. Проведение государственного переворота происходит в сочетании с такими политическими технологиями, как массовые управляемые протесты, широко транслируемые в прозападной прессе и других СМИ в качестве стихийных акции борцов за свободу и демократию, гражданское неповиновение. Геополитический интерес государства-заказчика цветной революции считается реализованным, в том случае, когда государство, пережившее цветную революцию, разрушившее его политическую систему, попадает под внешнее управление этого государства-заказчика. Также исследователи отмечают и другой значимый признак цветных революций: наличие единого сценарного плана, в котором отражена четко определенная стратегия по осуществлению поэтапной дестабилизации политической обстановки в государстве. Обязательным пунктом этого плана являются обеспечение политических сил, назначенных оппозицией, поддержкой со стороны населения посредством конфликтной мобилизации общества, введение в действие «майдана», посредством которого происходит трансформация протестующих в агрессивную толпу. Данные протестные настроения общества, подогреваемые оппозицией, направляются против официальной власти [7, с. 7]. Указанной точки зрения придерживается такие российские исследователи, как Д. М. Юсупова-Фарзалиева [8, с. 35], А. Э. Гапич, Д. А. Лушников [9, с. 34–89], и другие [10, с. 191–196; 11, с. 32; 12, с. 158–166].

Вторая группа ученых считает, что «цветные революции» представляют собой разновидность революций эпохи постмодерна, обладающих ярко выраженным политтехнологическим характером и осуществляемым с целью смены авторитарного

режима посредством инициирования массовых протестов, далеко не всегда протекающих в относительно мирных формах [13, с. 70–88; 14, с. 23]. А. О. Наумов отмечает, что цветные революции являются следствием воплощения на практике сформированной в США теории «мягкой силы», представляющей собой совокупность методов и способов реализации политических и экономических интересов США без прямого применения вооруженных сил (но далеко не обязательно исключая возникающие вспышки уличного или другого насилия, в т. ч. и с использованием оружия) или экономического принуждения, санкций [14, с. 34]. Государством-заказчиком цветных революций могут быть не только США, но и другие западные государства. Акцент ставится на пропаганду ценностей и образа жизни народа государства-заказчика цветных революций, на поддержку политических сил, провозглашающих, что цель их деятельности состоит в достижении в их государстве «демократической» (проамериканской) социально-политической модели [14, с. 35]. Также автор справедливо указывает, что подобная «мягкая сила» мало чем отличается от «жесткой» силовой интервенции иностранных государств и несет в себе, по крайней мере, не меньшие негативные долгосрочные последствия, чем внутригосударственный вооруженный конфликт [14, с. 56]. Разрушение существовавших политических режимов в государствах, где «победили» цветные революции, не имело никаких иных результатов, кроме как вовлечения таких государств в орбиту влияния США [14, с. 123]. А. В. Манойло полагает, что цветные революции являются средством гибридизации мировой политики [15, с. 3–20]. В. А. Барсамов дополняет данное определение и указывает, что под цветными революциями следует понимать серию массовых уличных беспорядков и протестов населения при пособничестве иностранных неправительственных организаций, как правило, завершающихся коренным изменением политического режима без непосредственного военного участия иностранных государств. Так же в условии цветных революций происходит и смена правящих элит [16, с. 57–66].

Третья группа исследователей указывает, что определение цветной революции предполагает применение многочисленных уличных акций протеста, участниками которых (массовкой) являются обычные граждане. Некоторая схожесть цветных революций, и особенно результат «успешных» цветных революций – переориентация внутренней и внешней политики государства на определенного глобального политического игрока – не свидетельствуют о стихийности событий и позволяют утверждать о целенаправленном характере цветных революций со стороны их государства-заказчика [17, с. 41–56].

Таким образом, в российской политической науке можно выделить три альтернативных подхода в российской науке к изучению цветных революций. Цветные революции рассматриваются в качестве явления, технологии и целенаправленного процесса. При этом нельзя не согласиться с мнением тех российских экспертов, которые полагают, что происходящие в настоящее время цветные революции в мире представляют собой технологии государственных переворотов, в которых ключевым инструментом демонтажа политических режимов выступает молодежное протестное движение, нередко идущее на столкновение с властью под националистическими лозунгами [18, с. 106–110; 19, с. 6; 20, с. 25–38; 21, с. 39–44; 22, с. 6–15].

Содержательные особенности цветных революций отражены также в работах зарубежных исследователей: в публикациях бывшего посла США в Российской Федерации М. Э. Макфола [23], профессора Ягеллонского университета в Кракове П. Штомпка, американского политолога и профессора Университета имени Дж. Вашингтона Г. Хейла [24], профессора Корнельского университета В. Банса, американского политолога, общественного деятеля и основателя Общественного Института им. Альберта Эйнштейна Дж. Шарпа. Указанные зарубежные исследователи полагают, что «цветная революция» представляет собой «естественный» процесс демократизации общества посредством повышения уровня политической культуры населения [25]. В качестве подтверждения своей позиции касательно «естественной необходимости» цветных революций, зарубежные исследователи приводят якобы проведенные ими социологические опросы граждан по поводу их недовольства действующей властью и приходят к выводам, что цветные револю-

ции позволяют достичь позитивных последствий (только не в том государстве, где они проводятся). Например, польский социолог, профессор Ягеллонского университета в Кракове П. Штомпка полагает, что революции обусловливают такие положительные явления, как всплеск массовой активности у значительной части населения, вызванный надеждой на скорое достижение светлого будущего, энтузиазм граждан в участии в политической жизни государства, приобретение чувства силы в коллективном единстве и даже осознание смысла жизни в обществе [26]. Однако указанная позиция зарубежных исследователей вызывает закономерный вопрос относительно «естественности» процесса подобного транзита к демократии: описываются технологии проведения цветных революций, даже несмотря на волю местного населения, которое, вероятно, недовольно действующей властью и желает ее смены. Тем не менее, это не свидетельствует о намерении и готовности населения к реформированию, демократической трансформации существующего режима. Естественность предполагает также отсутствие влияния и давления извне и согласия населения с происходящими событиями (между тем как мнение населения по данному вопросу учитывается в последнюю очередь). Кроме того, социологические опросы проводятся в тех государствах, где проведение цветных революций не планируется. И конечно, после инициирования технологий цветных революций не проводятся или прекращаются социологические исследования для изучения среза общественного мнения относительно эффективности и результативности цветных революций по демократическому транзиту [27, с. 130–144].

Тем не менее, следует отметить, что ряд зарубежных исследователей все же отмечает негативный характер цветных революций как явления. Противники положительной оценки цветных революций на Западе полагают, что цветные революции являются не естественным эволюционным процессом демократизации авторитарного политического режима, но технологиями совершения государственного переворота. Также ученые отмечают и участие мировых сверхдержав в качестве заказчиков цветных революций в определенных государствах с целью увеличения сфер их влияния, обеспечение реализации их геополитических интересов. В качестве аргументов приводятся доказательства финансирования оппозиционных сил в странах, где уровень недовольства действующей политической власти предельно высок (при этом не делается различий между радикальными, экстремистскими, иными преступными и неправительственными, допустимыми по женевскому праву оппозиционными силами). В частности, британский журналист, политолог, общественный деятель и член Консервативной партии Великобритании Д. Лафлэнд, профессор Калифорнийского университета Д. Голдстоун указывают на разрушительные, негативные последствия цветных революций, которые не обусловлены целью цветных революций [28]. «Бульдозерную революцию» в Югославии и свержение Президента С. Милошевича Д. Лафлэнд называет фарсом. В своей критической статье «Технология государственного переворота» ученый выделяет три основных элемента «цветных революций»: 1) неправительственные организации; 2) скрытые операции; 3) контроль за СМИ [29].

Таким образом, мнения российских и зарубежных ученых по поводу роли и значения цветных революций разделились. Российские ученые отмечают отрицательные последствия цветных революций в виде разрушения политической системы государств. Российские исследователи полагают также, что «цветные революции» представляют собой сочетание методов свержения государственной власти, результат вмешательства иностранных государств во внутренние дела определенного государства, дестабилизации политического пространства и совершения государственного переворота для формирования выгодных, марионеточных и легко управляемых политических режимов. При этом не достигается провозглашаемый и ожидаемый социумом положительный эффект в виде демократического транзита.

Зарубежные исследователи наоборот, утверждают, что цветные революции являются чуть ли не единственно правильным, кратчайшим путем к демократизации режимов. Такую разницу в подходах можно объяснить тем, что цветные революции являются теоретической моделью, разработанной Западной политической мыслью и

апробированной на ряде государств СНГ и Ближнего Востока (события в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 и 2014 гг., «Арабская весна»).

Далее, как российские, так и зарубежные ученые стремятся сформулировать особенности цветных революций как явления для того, чтобы отграничить его от других смежных феноменов. Так, уже упоминавшийся ранее П. Штомпка в работе «Социология социальных изменений» выделяет пять отличий цветной революции от социальных протестов: 1) цветная революция затрагивает все сферы общественной деятельности и жизни народа; 2) на политической арене государства происходят события, которые подрывают устои дореволюционного государства и имеют фундаментальный характер; 3) все изменения имеют стремительный и необратимый характер; 4) революция вызывает бурную реакцию у участников и свидетелей её свершения, что в свою очередь обусловливает активное участие многих социальных слоёв в происходящих событиях; 5) революции являются наиболее характерными проявлениями изменений в жизни общества [26, с. 45].

Тем не менее, в настоящее время так и не достигнут консенсус по вопросу о том, какое именно событие можно считать цветной революцией и как отграничить его от смежных явлений. Например, общепринято, что «бульдозерная революция» в Югославии, «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине и «тюльпановая революция» в Киргизии являются цветными революциями [30, с. 259–276]. Некоторые исследователи идут даже дальше и относят понятие «цветная революция» к португальской «революции гвоздик», произошедшей 25 апреля 1974 г., когда был совершен бескровный переворот левого толка в Лиссабоне в Португалии, в результате был изменен режим правления с фашистской диктатуры на либерально-демократический строй [31, с. 33].

Следует отметить, что пример «революции гвоздик» с трудом можно отнести к цветным революциям, в силу того, что ключевыми организаторами португальского переворота были военные, без вмешательства иностранных государств. Главными же действующими акторами «цветных революций» являются гражданские лица, в первую очередь – активная, образованная, критически настроенная молодежь. Кроме того, цветные революции происходят по инициативе государства-заказчика такой революции. По указанной причине нельзя отнести к цветной революции государственный переворот в Иране 19 августа 1953 г., когда премьер-министр М. Мосаддык был свергнут в результате спланированной Соединенными Штатами Америки операции (что было признано Б. Обамой) [32, с. 83–86]. Тем не менее, именно переворот в Иране 1953 г. можно отнести к прообразам будущих цветных революций [33, с. 83–86].

Исходя из изложенного, сформулируем понятие цветной революции.

Цветная революция представляет собой процесс транзита власти к оппозиции вследствие утраты поддержки населения (легитимности) официальным правительством государства, осуществляемый посредством деятельности оппозиции по обеспечению массовых народных беспорядков, волнений по продуманному извне сценарию государством-заказчиком цветной революции сценарию.

Проведенное исследование позволило установить, что цветные революции не являются примером «мягкой силы», ненасильственным транзитом власти, но представляют собой инструмент поддержания своего геополитического влияния в различных политических регионах государством-заказчиком цветных революций. Именно поэтому произошел раскол в позициях ученых по поводу содержания и признаков цветных революций: если российские и некоторые зарубежные ученые указывают на то, что цветная революция является внешней угрозой существованию политической системы государства, то большинство зарубежных ученых из западных стран подчеркивает, что цветные революции являются гласом народа, истинной демократией. Имеющаяся в мире практика проведения цветных революций подтверждает правоту первой позиции.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Белевская Ю. Ю., Алимурадов О. А. Концепт сильного государства как ответ на угрозы «цветных революций» // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 87–92.

2. Манойло А. В. «Цветные революции» как угроза российской нации // Вестник Российской нации. 2014. № 3 (35). С. 176–190.

3. Карпович О. Г. Цветные революции как инструмент системной дестабилизации политических режимов: угрозы и вызовы для России // Национальная безопасность / nota bene. 2015. № 1 (36). С. 73–87.

4. Бартош А. А. Комплекс подрывных технологий «цветная революция – гибридная война» как угроза национальной безопасности России // Безопасность Евразии. 2015. № 1 (49). С. 247–254.

5. Семченков А. С. «Цветные революции» как угроза национальной и региональной безопасности: специфика и пути противодействия // Вестник Российской нации. 2016. № 6 (52). С. 185–196.

6. Федорченко С. Н. Фрейм-анализ политической символики «цветной революции»: теоретико-методологические и исторические аспекты проблемы // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2012. № 3. С. 24–42.

7. Арямова А. Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов : автореферат диссертации … доктора политических наук. М., 2016.

8. Юсупова-Фарзалиева Д. М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях: диссертация на соискание ученй степени кандидата политических наук. Пятигорск, 2012.

9. Гапич А. Э., Лушников Д. А. Технологии «цветных революций». М.: РИОР, 2014.

10. Вилков М. А. Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 191–196.

11. Шульц Э. Э. Технологии бунта (технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014.

12. Фещенко П. Н. К вопросу о предупреждении «цветных революций» через снижение социальной напряженности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 158–166.

13. Сальников В. И. Революционные процессы в политической жизни: динамика развития, проблемы управления: монография. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011.

14. Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М., 2016.

15. Манойло А. В. Гибридизация современной мировой политики и национальная безопасность Российской Федерации // Геополитический журнал. 2017. № 1 (17). С. 3–20.

16. Барсамов В. А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Социс. 2006. № 8. С. 57–66.

17. Новиков О. Г., Рыжикова Д. А., Высоцкий Р. Н. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 1 (31). С. 41–56.

18. Нейматов А. Я. Современные цветные революции в контексте научно-технологического подхода // Международные отношения. 2016. № 1. С. 106–110.

19. Ремарчук В. Н. «Управляемый хаос» как политическая технология в современной геополитике // Гуманитарный вестник. 2014. № 1 (15). С. 6–13.

20. Курылев К. П. Украинский кризис 2013–2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25–38.

21. Елисеев В. С., Лебедева М. Л. «Цветные революции» и право: постановка вопроса // Право и политика. 2015. № 1. С. 39–44.

22. Липинский А. Л. Объясняя революционные явления на посткоммунистическом пространстве // PolitBook. 2017. № 1. С. 6–15.

23. Макфол М. Я знаю, что такое цветная революция. Я знаю, кто это делает [электронный ресурс] // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». 2016. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/14/majkl_makfol_ya_znayu_chto_takoe_cvetnaya_revolyuciya_ya_znayu_kto_eto_delaet/ (дата обращения: 20.04.2018).

24. Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия [электронный ресурс] // Полит ру. URL: http://www.polit.ru/article/2008/05/26/hale/ (дата обращения: 20.04.2018).

25. Банс В. «Цветные революции» через выборы: почему они произошли и кто следующий? [электронный ресурс] // Институт общественного проектирования. 2016. URL: http://www.inop.ru/reading/Bunce/ (дата обращения: 20.04.2018).

26. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 2014.

27. Иглин Д. А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве как общественно-политическое явление: определение и основные взгляды // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 3 (9). С. 130–144.

28. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения [электронный ресурс] // Интелрос. 2016. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos. pdf (дата обращения: 20.04.2018).

29. Лафлэнд Д. Технология государственного переворота [электронный ресурс] // Liberty. ru. 2016. URL: http://www.liberty.ru/Themes/Tehnologiya-gosudarstvennogoperevorota (дата обращения: 20.04.2018).

30. Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer // Perspectives on Politics. 2007. № 5. P. 259–276.

31. Нарочницкая Н. А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008.

32. Бочанов М. А. «Цветные революции» как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Орел, 2011.

33. Волочаева О. Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 83–86.

# COLOR REVOLUTION AS A THREAT TO THE POLITICAL SYSTEM OF THE STATE: PROBLEMS OF DEFINITION

**A. A. Kerimov**
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

**T. V. Verbitskaya**
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

**ABSTRACT:** The relevance of the study is determined by the nature, peculiarities of the course and the results of the ongoing color revolutions that lead to the destruction of the political systems of states, and even of the states themselves.

The purpose of the study is to establish the content and attributes of a color revolution as a threat to the existence of the political system of the state.

The work relies on the use of teleological analysis (in order to understand the meaning of color revolutions for states), the comparative method (in the context of a comparative study of the positions of scientists in determining color revolutions), and system-structural analysis (when identifying the signs of color revolutions).

Since the practice of carrying out color revolutions in the world demonstrates that color revolutions are threats to the existence of the political system of the state, it is necessary to study the content and characteristics of color revolutions in order to form a mechanism for combating color revolutions, taking into account the nature and degree of danger of color revolutions in their concrete manifestation.

The opinions of scientists about color revolutions were divided as the follows: some scientists consider color revolutions to be people's voice, true democracy, the others – a technology of coup d'état.

The experience of the already accomplished and continuing color revolutions shows that the first position is more justified. Nonetheless, color revolutions are a multi-aspect phenomenon, including also non-violent methods of soft power, which should be taken into account in the content of the definition of color revolution.

Taking into account discussions, opposing opinions of scientists on the content of this phenomenon, its role and significance, the article formulates the definition of color revolutions.

**KEYWORDS:** Revolution, coup d'état, political system, people's protest, political technology.

**AUTHORS' INFORMATION:**

Alexander A. Kerimov, Dr. Sci. (Political Sciences), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia, kerimov68@mail.ru

Tatiana V. Verbitskaya, Assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
4, Turgeneva str., Ekaterinburg, 620000, Russia, Aquitania-17@yandex.com

**FOR CITATION:** Kerimov A. A., Verbitskaya T. V. Color revolution as a threat to the political system of the state: problems of definition // Management Issues. 2019. № 2 (38). P. 6—15.

## REFERENCES

1. Belevskaya Yu. Yu., Alimuradov O. A. The concept of a strong state as a response to the threats of «color revolutions» // Social and humanitarian knowledge. 2012. № 9. P. 87–92. [Belevskaja Ju. Ju., Alimuradov O. A. Koncept sil'nogo gosudarstva kak otvet na ugrozy «cvetnyh revoljucij» // Social'no-gumanitarnye znanija. 2012. № 9. S. 87–92] – (In Rus.)

2. Manoylo A. V. «Color Revolutions» as a Threat to the Russian Nation // Herald of the Russian Nation. 2014. № 3 (35). P. 176–190. [Manojlo A. V. «Cvetnye revoljucii» kak ugroza rossijskoj nacii // Vestnik Rossijskoj nacii. 2014. № 3 (35). S. 176–190] – (In Rus.)

3. Karpovich O. G. Color revolutions as an instrument of systemic destabilization of political regimes: threats and challenges for Russia // National Security / nota bene. 2015. № 1 (36). P. 73–87. [Karpovich O. G. Cvetnye revoljucii kak instrument sistemnoj destabilizacii politicheskih rezhimov: ugrozy i vyzovy dlja Rossii // Nacional'naja bezopasnost' / nota bene. 2015. № 1 (36). S. 73–87] – (In Rus.)

4. Bartosh A. A. Complex of subversive technologies «color revolution – hybrid war» as a threat to the national security of Russia // Security of Eurasia. 2015. № 1 (49). P. 247–254. [Bartosh A. A. Kompleks podryvnyh tehnologij «cvetnaja revoljucija – gibridnaja vojna» kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Bezopasnost' Evrazii. 2015. № 1 (49). S. 247–254] – (In Rus.)

5. Semchenkov A. S. «Color revolutions» as a threat to national and regional security: specificity and ways of counteraction // Herald of the Russian Nation. 2016. № 6 (52). P. 185–196. [Semchenkov A. S. «Cvetnye revoljucii» kak ugroza nacional'noj i regional'noj bezopasnosti: specifika i puti protivodejstvija // Vestnik Rossijskoj nacii. 2016. № 6 (52). S. 185–196] – (In Rus.)

6. Fedorchenko S. N. Frame-analysis of the political symbols of the «color revolution»: theoretical, methodological and historical aspects of the problem // Electronic Journal «Bulletin of Moscow State Regional University». 2012. № 3. P. 24–42. [Fedorchenko S. N. Frejm-analiz politicheskoj simvoliki «cvetnoj revoljucii»: teoretiko-metodologicheskie i istoricheskie aspekty problemy // Jelektronnyj zhurnal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta». 2012. № 3. S. 24–42] – (In Rus.)

7. Aryamova A. D. The Role of Color Revolution Technologies in the Transformation of Modern Political Regimes: abstract of a thesis of doctor of political sciences. M., 2016. [Arjamova A. D. Rol' tehnologij cvetnyh revoljucij v transformacii sovremennyh politicheskih rezhimov: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskih nauk. M., 2016] – (In Rus.)

8. Yusupova-Farzaliyeva D. M. Information and communication technologies as the basis of the «color revolutions» in modern polities: thesis of doctor of political sciences. Pyatigorsk, 2012. [Jusupova-Farzalieva D. M. Informacionno-kommunikativnye tehnologii kak osnova «cvetnyh revoljucij» v sovremennyh politijah : dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskih nauk. Pjatigorsk, 2012] – (In Rus.)

9. Gapich A. E., Lushnikov D. A. Technologies of «color revolutions». M. : RIOR, 2014. [Gapich A. Je., Lushnikov D. A. Tehnologii «cvetnyh revoljucij». M.: RIOR, 2014] – (In Rus.)

10. Vilkov M. A. Naumov A. O. «Soft power», «color revolutions» and technologies of change of political regimes at the beginning of XXI century // Journal of Russian and East European historical research. 2017. № 2 (9). P. 191–196. [Vilkov M. A. Naumov A. O. «Mjagkaja sila», «cvetnye revoljucii» i tehnologii smeny politicheskih rezhimov v nachale XXI veka // Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskih issledovanij. 2017. № 2 (9). S. 191–196] – (In Rus.)

11. Schulz E. E. Technology revolt (technology management of radical forms of social protest in a political context). M., 2014. [Shul'c Je. Je. Tehnologii bunta (tehnologii upravlenija radikal'nymi formami social'nogo protesta v politicheskom kontekste). M., 2014] – (In Rus.)

12. Feschenko P. N. On the issue of preventing «color revolutions» through reducing social tensions // Topical issues of the Russian law. 2017. № 6 (79). P. 158–166. [Feshhenko P. N. K voprosu o preduprezhdenii «cvetnyh revoljucij» cherez snizhenie social'noj naprjazhennosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 6 (79). S. 158–166] – (In Rus.)

13. Salnikov V. I. Revolutionary processes in political life: the dynamics of development, management problems. Voronezh : Scientific Research Educational Institution «Science Book», 2011. [Sal'nikov V. I. Revoljucionnye processy v politicheskoj zhizni: dinamika razvitija, problemy upravlenija. Voronezh: IPC «Nauchnaja kniga», 2011] – (In Rus.)

14. Naumov A. O. «Soft power», «color revolutions» and technologies of change of political regimes at the beginning of XXI century. M., 2016. [Naumov A. O. «Mjagkaja sila», «cvetnye revoljucii» i tehnologii smeny politicheskih rezhimov v nachale XXI veka. M., 2016] – (In Rus.)

15. Manoylo A. V. Hybridization of Modern World Politics and the National Security of the Russian Federation // Geopolitical Journal. 2017. № 1 (17). P. 3–20. [Manojlo A. V. Gibridizacija sovremennoj mirovoj politiki i nacional'naja

bezopasnost' Rossijskoj Federacii // Geopoliticheskij zhurnal. 2017. № 1 (17). S. 3–20] – (In Rus.)

16. Barsamov V. A. «Color revolutions»: theoretical and applied aspects // Socis. 2006. № 8. P. 57–66. [Barsamov V. A. «Cvetnye revoljucii»: teoreticheskij i prikladnoj aspekty // Socis. 2006. № 8. S. 57–66] – (In Rus.)

17. Novikov O. G., Ryzhikova D. A., Vysotsky R. N. Objective and subjective prerequisites for the emergence of color revolutions in XXI century // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2018. Vol. 8. № 1 (31). P. 41–56. [Novikov O. G., Ryzhikova D. A., Vysockij R. N. Ob#ektivnye i sub#ektivnye predposylki vozniknovenija cvetnyh revoljucij v XXI veke // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2018. T. 8. № 1 (31). S. 41–56] – (In Rus.)

18. Neymatov A. Ya. Modern color cevolutions in the context of the scientific and technological approach // International Relations. 2016. № 1. P. 106–110. [Nejmatov A. Ja. Sovremennye cvetnye revoljucii v kontekste nauchno-tehnologicheskogo podhoda // Mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. № 1. S. 106–110] – (In Rus.)

19. Remarchuk V. N. «Managed chaos» as a political technology in modern geopolitics // Humanitarian Herald. 2014. № 1 (15). P. 6–13. [Remarchuk V. N. «Upravljaemyj haos» kak politicheskaja tehnologija v sovremennoj geopolitike // Gumanitarnyj vestnik. 2014. № 1 (15). S. 6–13] – (In Rus.)

20. Kurylev K. P. Ukrainian crisis of 2013–2014 and the «Arab Spring» of 2011: similarities and differences // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2014. № 4. P. 25–38. [Kurylev K. P. Ukrainskij krizis 2013–2014 gg. i «arabskaja vesna» 2011 g.: shodstvo i razlichie // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2014. № 4. S. 25–38] – (In Rus.)

21. Eliseyev V. S., Lebedeva M. L. «Color revolutions» and law: posing the question // Law and Politics. 2015. № 1. P. 39–44. [Eliseev V. S., Lebedeva M. L. «Cvetnye revoljucii» i pravo: postanovka voprosa // Pravo i politika. 2015. № 1. S. 39–44] – (In Rus.)

22. Lipinsky A. L. Explaining the revolutionary phenomena in the post-communist space // PolitBook. 2017. № 1. P. 6–15. [Lipinskij A. L. Ob#jasnjaja revoljucionnye javlenija na postkomunisticheskom prostranstve // PolitBook. 2017. № 1. S. 6–15] – (In Rus.)

23. McFaul M. I know what a color revolution is. I know who does this [e-resource] // Information and analytical service «The Russian folk line». 2016. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/14 /majkl_makfol_ya_znayu_chto_takoe_cvetnaya_revol yuciya_ya_ znayu_kto_eto_delaet/ (access date: 04.02.2018). [Makfol M. Ja znaju, chto takoe cvetnaja revoljucija. Ja znaju, kto jeto delaet [jelektronnyj resurs] // Informacionno-analiticheskaja sluzhba «Russkaja narodnaja linija». 2016. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/14/majkl_makfol_ya_znayu_chto_takoe_cvetnaya_revolyuciya_ya_znayu_kto_eto_delaet/ (data obrashhenija: 20.04.2018)] – (In Rus.)

24. Hale G. Presidential regime, revolution and democracy [e-resource] // Polit.ru. URL: http://www.polit.ru/ article/2008/05/26/hale/ (access date: 20.04.2018). [Hejl G. Prezidentskij rezhim, revoljucija i demokratija [jelektronnyj resurs] // Polit ru. URL: http://www.polit.ru/ article/2008/05/26/hale/ (data obrashhenija: 20.04.2018)] – (In Rus.)

25. Bunce V. «Color Revolutions» through elections: why did they occur and who is next? [e-resource] // Institute for Public Design. 2016. URL: http://www.inop.ru/reading/Bunce/ (access date: 04.02.2018). [Bans V. «Cvetnye revoljucii» cherez vybory: pochemu oni proizoshli i kto sledujushhij? [jelektronnyj resurs] // Institut obshhestvennogo proektirovanija. 2016. URL: http://www.inop.ru/reading/Bunce/ (data obrashhenija: 20.04.2018)] – (In Rus.)

26. Sztompka P. Sociology of social change. M. : Aspect-Press, 2014. [Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij. M.: Aspekt-Press, 2014] – (In Rus.)

27. Iglin D. A. «Color revolutions» in the post-Soviet space as a socio-political phenomenon: definition and basic views // Problems of the Post-Soviet Space. 2016. № 3 (9). P. 130–144. [Iglin D. A. «Cvetnye revoljucii» na postsovetskom prostranstve kak obshhestvenno-politicheskoe javlenie: opredelenie i osnovnye vzgljady // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2016. № 3 (9). S. 130–144] – (In Rus.)

28. Goldstone D. To the theory of the fourth generation revolution [e-resource] // Intelros. 2016. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_ 05_2006 / goldstoun_58-103_logos. pdf (access date: 04.02.2018). [Goldstoun D. K teorii revoljucii chetvertogo pokolenija [jelektronnyj resurs] // Intelros. 2016. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos. pdf (data obrashhenija: 20.04.2018)] – (In Rus.)

29. Laughland D. Technology Coup [e-resource] // Liberty.ru. 2016. URL: http://www.liberty.ru /Themes/Tehnologiya-gosudarstvennogoperevo rota (access date: 04.02.2018). [Lafljend D. Tehnologija gosudarstvennogo perevorota [jelektronnyj resurs] // Liberty.ru. 2016. URL: http://www.liberty.ru/Themes/Tehnologiya-gosudarstvennogoperevorota (data obrashhenija: 20.04.2018)] – (In Rus.)

30. Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of

Bulldozer // Perspectives on Politics. 2007. № 5. P. 259–276. – (In Eng.)

31. Narochnitskaya N. A. Orange networks: from Belgrade to Bishkek. SPb., 2008. [Narochnickaja N. A. Oranzhevye seti: ot Belgrada do Bishkeka. SPb., 2008] – (In Rus.)

32. Bochanov M. A. «Color revolutions» as a factor in the transformation of foreign policy strategies of states in the post-Soviet space. Orel, 2011. [Bochanov M. A. «Cvetnye revoljucii» kak faktor transformacii vneshnepoliticheskih strategij gosudarstv na postsovetskom prostranstve: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskih nauk. Orel, 2011] – (In Rus.)

33. Volochayeva O. F. «Non-violent» change of political regimes as a phenomenon of the information society // Theory and practice of social development. 2015. № 3. P. 83–86. [Volochaeva O. F. «Nenasil'stvennoe» izmenenie politicheskih rezhimov kak fenomen informacionnogo obshhestva // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 3. S. 83–86] – (In Rus.)